

К вопросу о практической целесообразности реформирования применения принудительных мер воспитательного воздействия в связи с законодательным закреплением уголовного проступка

Н. Ю. СКРИПЧЕНКО – профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент

Идея законодательного закрепления уголовного проступка относится к числу дискуссионных, а настойчивые попытки инициатора соответствующих реформ интегрировать новую дефиницию в систему категорий преступления расширяет круг обсуждаемых вопросов. Анализ предлагаемых изменений в ст. 90 УК РФ дает основания усомниться в практической целесообразности планируемых нововведений. Предлагаемое императивное основание освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 90 УК РФ проекта актуализирует вопросы о законодательной неопределенности основания прекращения уголовного преследования; мерах, которые могут быть применены подростку, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, но на момент рассмотрения дела в суде достигшему 18 лет; правилах назначения принудительных мер воспитательного воздействия подростку, совершившему уголовный проступок и преступление небольшой или средней тяжести. Теряется смысл заявленной инициатором реформ либерализации уголовной политики, так как несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок (минимальный по степени общественной опасности из числа уголовно наказуемых), не может быть освобожден от уголовной ответственности по другим основаниям, которые носят безусловный характер, но предъявляют требования к позитивному посткриминальному деянию, обеспечивая реализацию задач уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный проступок; преступление; освобождение от уголовной ответственности; принудительные меры воспитательного воздействия; несовершеннолетний.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю. К вопросу о практической целесообразности реформирования применения принудительных мер воспитательного воздействия в связи с законодательным закреплением уголовного проступка. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-81-85.

On the question of the practical appropriateness of reforming the use of compulsory measures of educational influence in connection with the legislative consolidation of a criminal misconduct

N. Yu. SKRIPCHENKO – Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Dsc. of Law, Associate Professor

The idea of legislative consolidation of a criminal misconduct is debatable, and persistent attempts by the initiator of the relevant reforms to integrate the new definition into the system of crime categories expands the range of issues discussed. Analysis of the proposed changes to Art. 90 of the Criminal Code of the Russian Federation gives reason to doubt the practical appropriateness of the planned innovations. The proposed imperative basis for exemption from criminal liability under Part 1 of Art. 90 of the Criminal Code of the Russian Federation of the project updates the issues of legislative uncertainty of the grounds for termination of criminal prosecution; measures that can be applied to a teenager who has committed a

crime as a minor, but at the time of the consideration of the case in court, has reached the age of 18; the rules for the appointment of compulsory measures of educational influence to a teenager who has committed a criminal offense and a crime of small or medium gravity. The meaning of the liberalization of criminal policy declared by the initiator of the reforms is lost, since a minor who has committed a criminal misconduct (minimal in terms of the degree of public danger from among the criminally punishable) cannot be exempted from criminal liability on other grounds that are unconditional, but impose requirements for a positive post-criminal act, ensuring the implementation of the tasks of the criminal law.

Key words: criminal misconduct; the crime; exemption from criminal liability; compulsory educational measures; minor.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Skripchenko N. Yu. On the question of the practical appropriateness of reforming the use of compulsory measures of educational influence in connection with the legislative consolidation of a criminal misconduct. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-81-85.

Идея законодательного закрепления уголовного проступка относится к числу дискуссионных, а настойчивые попытки инициатора соответствующих реформ интегрировать новую дефиницию в систему категорий преступления актуализирует и расширяет круг обсуждаемых вопросов. Так, 31 октября 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”». Указанный законопроект не стал предметом обсуждения в парламенте ввиду того, что получил отрицательный отзыв со стороны Правительства Российской Федерации, так как не учитывает интересы потерпевших, которым уголовным проступком причинен вред, что не согласуется со ст. 52 Конституции Российской Федерации (официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 24.07.2018 № 5690п-П4). Отозвав законопроект (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 25), Пленум Верховного Суда Российской Федерации 13 октября 2020 г. принял постановление № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка” с замечаниями Правительства Российской Федерации» (официальный отзыв Правительства РФ от 10.02.2021 № 1121п-П4), которое было пере-

дано на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Поддерживая или критикуя¹ планируемые изменения в уголовном законе, представители правовой науки акцентируют внимание на вопросах объективной потребности предлагаемых реформ; механизме идентификации уголовного проступка; содержании мер государственного реагирования на деяния, отличающиеся минимальной степенью общественной опасности. В юридической литературе высказано немало критических замечаний относительно технико-юридического содержания новых норм, вносящих, по мнению многих ученых, путаницу в базовые уголовно-правовые институты «преступление», «категории преступления», «наказание», «освобождение от уголовной ответственности», «иные меры уголовно-правового характера»². Вопросам же практической целесообразности модификации норм, определяющих освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, внимания не уделяется. При этом сама идея условного освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, а также преступления небольшой или средней тяжести (проектная ст. 76.2 УК РФ), обосновывается действующими правилами, закрепленными в ст. 90 УК РФ.

Анализ положений последнего законопроекта свидетельствует о том, что, предлагая дифференцировать общественно опасные деяния на преступления (ст. 14 УК РФ) и уголовные проступки (проектная ст. 15.1 УК РФ), инициатор реформ допускает освобождение несовершеннолетних, совершивших уголовный проступок, только по

основаниям, предусмотренным проектной ч. 1 ст. 90 УК РФ.

Приведем предлагаемую в законопроекте редакцию этой статьи:

«Статья 90. Применение принудительных мер воспитательного воздействия»

1. Несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок, освобождается судом от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия. В случаях совершения несовершеннолетним уголовного проступка, указанного в части второй статьи 76.2 настоящего Кодекса, он освобождается судом от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной пунктами «а», «б» или «г» части третьей настоящей статьи, если он возместил ущерб, причиненный в результате совершения соответствующего уголовного проступка. Ущерб, причиненный несовершеннолетним, может быть возмещен его родителями или законными представителями.

2. Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

3. Несовершеннолетнему назначаются следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

- а) предупреждение;
- б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- в) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

4. Несовершеннолетнему, совершившему уголовный проступок, назначается одна из принудительных мер воспитательного воздействия. Срок применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами «б» и «г» части третьей настоящей статьи, устанавливается продолжительностью от одного месяца до одного года.

5. Несовершеннолетнему, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком, может быть назначено одно-

временно несколько принудительных мер воспитательного воздействия. Срок применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами «б» и «г» части третьей настоящей статьи, устанавливается продолжительностью от одного месяца до двух лет при совершении преступления небольшой тяжести, не являющегося уголовным проступком, и от шести месяцев до трех лет – при совершении преступления средней тяжести, не являющегося уголовным проступком.

6. В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности».

Рассматриваемая норма закрепляет обязательное освобождение подростка, совершившего уголовный проступок, от уголовной ответственности с применением одной из принудительных мер воспитательного воздействия. В случае совершения несовершеннолетним уголовного проступка против собственности или в сфере экономической деятельности (перечисленных в проектной ч. 2 ст. 76.2 УК РФ) он освобождается от уголовной ответственности только при условии возмещения ущерба, причиненного проступком. При этом ущерб может быть возмещен как самим виновным, так и его родителями или законными представителями.

Сохранив содержание принудительных мер воспитательного воздействия, а также основания и условия их назначения несовершеннолетним, совершившим преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком (проектные ч. 2, 3 ст. 90 УК РФ), инициатор реформ предлагает сократить сроки принудительных мер, назначаемых подростку, совершившему уголовный проступок (проектные ч. 4, 5 ст. 90 УК РФ).

Не вдаваясь в тонкости юридической техники законодательного оформления ст. 90 УК РФ (излишняя конкретизация в ч. 1 ст. 90 УК РФ органа, который принимает решение об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и применении принудительных мер воспитательного воздействия), конструкция которой стала более сложной (преимущественно состоящей из предложений, перегруженных многочис-

ленными существительными, в которые помещены еще и перечисления, требующие дизъюнкции), избыточной ссылочными нормами, исключениями из общего правила, усложняющими ее понимание, что таит в себе угрозу ошибочного применения на практике, следует обратить внимание на некоторые содержательные положения, которые, на наш взгляд, носят спорный характер.

Во-первых, предлагая закрепить освобождение от уголовной ответственности как императивное, автор законопроекта актуализирует вопрос о том, за что лицо, виновное в совершении уголовного проступка (пусть и отличающегося минимальной общественной опасностью), подлежит прощению со стороны государства. Из содержания предлагаемой ч. 1 ст. 90 следует один ответ: за совершение общественно опасного деяния. Это не только противоречит всем законам логики, так как само совершение криминального деяния определяет отказ государства от реализации уголовной ответственности, но и идет в разрез с принципами уголовного права (законность и справедливость).

Освобождение от уголовной ответственности подростка, совершившего уголовный проступок против собственности или в сфере экономической деятельности (соответствующий перечень содержится в проектной ч. 2 ст. 76.2 УК РФ), обременено требованием возмещением ущерба, но и в этом случае соответствующее условие может выполнить не сам нарушитель, а его родители или законные представители (закон не требует от несовершеннолетнего даже извинений, так как в ч. 1 ст. 90 говорится не о заглаживании вреда, а о возмещении ущерба).

Вряд ли предложенная формулировка уголовного закона обеспечивает реализацию предупредительной, воспитательной и ценностно-ориентационной функций, что особенно актуально в отношении несовершеннолетнего правонарушителя, в сознании которого может сформироваться чувство неуязвимости перед правосудием.

Во-вторых, предлагая самостоятельные правила назначения принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетним, совершившим уголовный проступок (проектная ч. 1 ст. 90 УК РФ) и преступления небольшой или средней тяжести (проектная ч. 2 ст. 90 УК РФ), инициатор реформ, очевидно, исключает совершение подростком совокупности указанных деяний. Из содержания проектной ст. 90 УК РФ невозможно определить правила, которыми

должен руководствоваться суд, применяя данную норму в отношении несовершеннолетнего, совершившего мелкое хищение, будучи уже подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ – уголовный проступок), и кражу группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ – преступление средней тяжести). Из положений ст. 90 УК РФ следует, что применение принудительных мер воспитательного воздействия в случае совершения уголовного проступка носит императивный характер, а в случае преступления – диспозитивный (суд должен обосновать свое решение о том, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия). Ситуация усложняется и тем, что рассматриваемый вид прекращения уголовного преследования носит условный характер. И перед правоприменителем будет поставлена задача конкретизировать применяемые меры в отношении каждого нарушения закона, так как систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия влечет ее отмену и возобновление уголовного преследования (проектная ч. 6 ст. 90 УК РФ).

В-третьих, императивный характер ч. 1 ст. 90 УК РФ проекта поставит на практике вопрос о мерах, которые могут быть применены к подростку, совершившему общественно опасное деяние в несовершеннолетнем возрасте, но на момент рассмотрения дела в суде достигшему восемнадцати лет.

В-четвертых, теряется смысл заявленной инициатором реформ дифференциации уголовной ответственности³ при законодательном дублировании принудительных мер воспитательного воздействия, которые могут применяться как к несовершеннолетним, совершившим уголовный проступок (проектная ч. 1 ст. 90 УК РФ), так и к подросткам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести (проектная ч. 2 ст. 90 УК РФ).

В-пятых, вряд ли закрепление освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия в качестве императивного основания (проектные ч. 1 и 2 ст. 90 УК РФ) обеспечивает провозглашенную либерализацию уголовной политики, так как несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок, по сути наименьший по степени опасности из числа уголовно наказуемых,

не может быть освобожден от уголовной ответственности по другим основаниям, которые носят безусловный характер и не влекут применения мер государственного принуждения (ст. 75, 76 УК РФ). Кроме того, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим стимулирует позитивное посткриминальное поведение виновного, обеспечивая восстановление нарушенных преступлением общественных отношений.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что избранный в анализируемом законопроекте подход к смягчению уголовного

законодательства в целом и сокращению его репрессивного потенциала в отношении несовершеннолетних выглядит как минимум незрелым. Реализация курса на гуманизацию уголовной политики может быть осуществлена посредством декриминализации отдельных не представляющих существенной угрозы охраняемым уголовным законом интересам личности, общества и государства преступлений в разряд административных правонарушений. Добиться положительных изменений в социальной структуре общества за счет значительного сокращения лиц, имеющих судимость, можно посредством реформирования ст. 86 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20–31; Сизова В. Н. Некоторые аспекты необходимости закрепления категории «уголовный проступок» в российском уголовном законодательстве // Рос. юстиция. 2020. № 3. С. 19–22; Головкин Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127–136.

² Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголов. право. 2017. № 4. С. 80–83; Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90–107; Скрипченко Н. Ю. «Уголовный проступок»: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.) // Журн. рос. права. 2018. № 10. С. 85–90.

³ Звечаровский И. Э. На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45–46; Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда Российской Федерации ввести новую уголовно-правовую категорию // Рос. следователь. 2021. № 1. С. 45–48; Скрипченко Н. Ю. «Уголовный проступок»: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.)

⁴ Санташов А. Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве / под ред. Л. Л. Кругликова. Вологда, 2018.

¹ Gavrilov B. Ya., Rogova E. V. Mirovaya yusticiya i ugovolny'j prostupok: mnenie uchenogo i praktika (obosnovanie problemy', sovremennoe sostoyanie i mery' po sovershenstvovaniyu) // Mirovoj sud'ya. 2016. № 12. S. 20–31; Sizova V. N. Nekotory'e aspekty' neobходимosti zakrepleniya kategorii «ugolovny'j prostupok» v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve // Ros. yusticiya. 2020. № 3. S. 19–22; Golovko L. V. Zakonoproekt ob ugovolnom prostupke: mnimye smy'sly' i real'naya podopleka // Zakon. 2018. № 1. S. 127–136.

² Kruglikov L. L., Lapshin V. F. O posledstviyax vklyucheniya kategorii «ugolovny'j prostupok» v rossijskij ugovolny'j zakon // Ugolov. pravo. 2017. № 4. S. 80–83; Krylova N. E. Gumanizaciya ugovolnogo zakonodatel'stva prodolzhaetsya? Analiz proektov federal'ny'x zakonov, odobrenny'x Plenumom Verhovnogo Suda RF 31 iyulya 2015 g. // Zakon. 2015. № 8. S. 90–107; Skripchenko N. Yu. «Ugolovny'j prostupok»: nakazat' nel'zya osvobodit' (analiz proekta federal'nogo zakona, odobrennogo plenumom Verhovnogo Suda RF 31 oktyabrya 2017 g.) // Zhurn. ros. prava. 2018. № 10. S. 85–90.

³ Zvecharovskij I. E'. Na puti k ugovolnomu prostupku // Zakonnost'. 2021. № 2. S. 45–46; Marty'nenko N. E'. Marty'nenko E'. V. Ugolovny'j prostupok: vtoraya popy'tka Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii vvesti novuyu ugovolno-pravovuyu kategoriyu // Ros. sledovatel'. 2021. № 1. S. 45–48; Skripchenko N. Yu. «Ugolovny'j prostupok»: nakazat' nel'zya osvobodit' (analiz proekta federal'nogo zakona, odobrennogo plenumom Verhovnogo Suda RF 31 oktyabrya 2017 g.)

⁴ Santashov A. L. Differenciaciya i individualizaciya otvetstvennosti nesovershennoletnix v ugovolnom i ugovolno-ispolnitel'nom prave / pod red. L. L. Kruglikova. Vologda, 2018.